

Н. ГАРНИЧ

ПАРТИЗАН ТИМОФЕЕВ

Н. ГАРНИЧ

ПАРТИЗАН ТИМОФЕЕВ

(ЩОРС В СИБИРИ)

РАССКАЗ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

« СОВЕТСКАЯ РОССИЯ »

МОСКВА

1960

Шел июль тысяча девятьсот восемнадцатого...

Синевато-серые нити рельсов разрезали надвое высокие холмы. По обеим сторонам дороги тянулся густой лес. Вдоль железнодорожного полотна бежала назад, сливаясь в бесконечную бурую ленту, низкая, потемневшая от дождя песчаная насыпь.

Бронепоезд шел на запад. Длинные стволы пушек торчали из башен. Виднелись короткие, как обрубки, пулеметы. В бортовых люках бронеплощадок в голове и в хвосте бронепоезда катились ремонтные платформы с запасом шпал и рельсов. Из зашитого в броню паровоза шипя вырывался пар.

Впереди показался разъезд. В маленьком деревянном здании пусто. В раскрытые настежь окна и двери врывается дождь. Поравнявшись с разъездом, бронепоезд сбавил ход, затем рванулся с места и пошел под гору.

Бронепоезд въехал в глубокую выемку, прорезавшую горный кряж. Сразу потемнело в полузадраенных люках бронеплощадок и накрытой стальным панцирем будке паровоза. В каменном коридоре гулко гудели придавленные громадой поезда рельсы.

Ловко прикрываясь раздвижными броневыми дверцами, из будки осторожно выглянул машинист в стальном шлеме и кожаной куртке. Он посмотрел вперед, на полосы сверкающих рельсов, оглянулся по сторонам. Улыбнувшись, машинист повернулся и бойко отрапортовал кому-то невидимому, внутрь будки:

— Осмелюсь доложить, господин полковник, путь в полном порядке!

— Прекрасно, поручик. У нас мало времени. Я должен сегодня же быть в распоряжении генерал-майора Трубецкого. Мне рассказывали в главном штабе в Омске, что здешние партизаны изрядно потрепали его стрелковую бригаду. Ее пополнят следующие за нами два пехотных батальона и рота пулеметчиков. А мой бронепоезд явится главной силой, которая уничтожит шайки взбунтовавшихся мужиков! — высунув наружу голову в щегольской фуражке, самодовольно провозгласил усатый полковник.

— Так точно, господин полковник! Мы пропишем ижицу всем большевикам! — льстиво поддакнул офицер-машинист.

— За усердие будете представлены к награде, поручик, — важно сказал полковник.

— Рад стараться!

Выглянув уже без особых предосторожностей еще раз, офицер-машинист прибавил ход. Легкие платформы с ремонтным материалом торопливо запрыгали по неровностям рельсовых креплений.

Внезапно в сотне шагов перед бронепоездом мелькнул туго натянутый канат, затем с глухим стуком упал на рельсы телеграфный столб. Вслед за ним обрушилось огромное дерево.

Передняя ремонтная платформа с ходу врезалась в телеграфный столб и перескочила через него. Бронеплощадка, прицепленная за ней, срезала толстые ветви дерева и, ударившись в огромный ствол, тут же сошла с рельсов. Окутанный густым облаком пара, бронепоезд сорвал сцепление и смял проходные мостики. Находившаяся позади вторая бронеплощадка устояла на рельсах, но хвостовая платформа с ремонтным оборудованием завалилась в сторону. Из бронепоезда раздались крики. Труба горниста отрывисто заиграла тревогу.

В это время сзади, спереди и с боков на бронепоезд стали одно за другим падать большие деревья.

А из чащи со всех сторон к полотну стекались люди в крестьянской одежде, солдатских гимнастерках и матросских форменках. На их картузах и фуражках алели красные ленты. Они тянули заранее привязанные к макушкам деревьев канаты, толкали стволы и накрывали ими застрявший бронепоезд.

Распоряжался всем стройный человек среднего роста в офицерском обмундировании без погон. С высоты пригорка он показал рукой на бронепоезд и громко крикнул:

— Пушки!

Тотчас же несколько человек прыгнули на бронеплощадки. Внезапно, словно очнувшись, молчавший бронепоезд начал стрелять в упор из своих шестнадцати пулеметов и четырех орудий. Пули срезали ветви деревьев. Рвались со звонким грохотом гранаты. Атакующие бронепоезд смельчаки, еле удерживаясь на его вращающихся башнях, норовили просунуть дула своих винтовок в амбразуры. Один из них поскользнулся, цепляясь голыми пальцами за скользкую гладь брони, покатился вниз и был расстрелян в упор пулеметной очередью.

Деревья продолжали валиться на бронепоезд.

Паровоз дернул было с места состав, но, проехав немного, еще больше увяз в заграждении.

Человек в офицерском обмундировании швырнул связку гранат под паровоз. Раздался сильный взрыв.

— На штурм! — крикнул он, прыгнув на бронепоезд.

За ним последовали десятки бойцов. Некоторые из них, словно надломленные, скатывались вниз под колеса. Другие присаживались тут же под башней, у бортовых пулеметов, вытаскивали бинты и наскоро перевязывали свои раны. Команда бронепоезда еще сопротивлялась. Атакующие стреляли внутрь бронепоезда, засовывая в амбразуры стволы винтовок и револьверов. Они проталкивали в люки ручные бомбы. Из бронепоезда доносились глухие взрывы, вопли.

— Сдавайтесь! — кричали нападавшие.

Распластавшись на башне, человек в офицерском обмундировании неторопливо писал на большом листе бумаги:

«Команде бронепоезда «Адмирал Колчак». Приказываю немедленно сдаться, иначе оболью горючим и сожгу.

Командир партизанского отряда красный партизан Икс».

— Товарищ Тимофеев, а товарищ Тимофеев, — на-

клоняясь к пишущему, сказал седобородый крестьянин. — Только что прискакал Федор с донесением от Карпова. Говорит, что пехота белых в десяти верстах отсюда. Карпов сообщает, что их там самое малое будет полторы, а то и две тысячи солдат. У них восемь пушек, много пулеметов и большущий обоз. Наверное, они везут боевые припасы тем белогвардейцам, которые уже давненько против нас воюют. Я не думаю, чтобы у них в обозе было продовольствие. Белые живут на подножном корму и питаются тем, что отнимут у крестьян. А хорошо бы не пропустить белую пехоту и отбить у них обоз. Я опасуюсь только, что мы будем еще долго возиться с бронепоездом...

Под башней грохотала пушка, но Тимофеев и его собеседник были неуязвимы, так как орудия и пулеметы белых не могли стрелять вверх. Лежа на башне бронеплощадки, Тимофеев внимательно слушал старика.

— Ты прав, дедушка Памфил: мы должны разгромить пехоту и лишить карателей подкрепления. Обоз с патронами и снарядами нам весьма пригодится. А с бронепоездом мы сейчас закончим, — улыбаясь, сказал Тимофеев. Он нагнулся и сунул в узкую щель башенного люка сложенный вдвое лист.

Бронепоезд усилил огонь. Звонко стреляли пушки и пулеметы. Потом сразу все стихло. Одновременно в трех-четырех местах открылись люки. Лязгнули распахнувшиеся настежь дверцы бронеплощадок.

Вскинутые стволы партизанских винтовок нацелились на выходы.

— А ну вылезай! — нетерпеливо выкрикнул кто-то.

— Приказываю команде бронепоезда выйти и сдаться! Считаю до трех! — встав во весь рост на башне, властно подал команду Тимофеев. — В противном случае открываю огонь и пленных не беру!

Из бронепоезда, как тяжелый тюк, вывалился связанный офицер. За ним — тело убитого в щегольской полковничьей шинели. Вслед за этим полетело на снег оружие: карабины, легкие пулеметы, револьверы. Потом неловко один за другим полезли солдаты команды.

Соскакивая вниз, на узенькое пространство между бронепоездом и обочинами, они выстроились в шеренгу с фельдфебелем и унтер-офицерами на правом фланге.

Партизаны окружили их.

— Тщательно обыскать всех! Отобрать оружие и до-

кументы! — приказал командир Тимофеев. — Дед Памфил, возьми сорок бойцов и веди пленных белогвардейцев в известное тебе место. Только, чтобы ни один не удрал!

— Слушаюсь, товарищ Тимофеев! — пробасил дед.

— А тебе, Прохор, и тебе, Алексей, с вашими людьми поручаю снять с бронепоезда орудия и пулеметы. Они пойдут на вооружение нашего отряда. Приказываю твоей команде, Иван, собрать все остальное: оружие и боеприпасы, продовольствие и перевязочный материал; отложить отдельно в сторону все горючее. Документами и бумагами их штаба займусь я сам.

Спустя полчаса около бронепоезда осталось десять-пятнадцать человек во главе с Тимофеевым. Почти одновременно раздались четыре взрыва — уничтожались башни бронеплощадок. Затем грохнул, разносясь гулким эхом, пятый взрыв, окончательно исковеркавший паровоз. Из бутылей и бидонов партизаны обливали горючим бронепоезд и сваленные на него деревья. Командир отряда, отобрав из захваченного пироксилина несколько десятков шашек, сам закрепил их на уцелевших частях бронепоезда.

— Зачем, товарищ Тимофеев? — спросил молодой партизан. — Ведь орудийные установки разрушены, а паровоз никуда не годится!

— А для того чтобы ни одной броневой плиты не досталось белогвардейцам! Вместо бронепоезда должна остаться груда металлического лома. А все, что может гореть, будет нами сожжено! — пояснил командир. Он протянул зажигательный шнур в чашу и скомандовал: — Отойти всем на триста шагов!

Несколько взрывов один за другим разворотили крепления, погнули, сорвали и отбросили стенки бронеплощадок и тендера. Изогнутые, как латы, броневые плиты, закрывавшие паровозный котел, были смяты и свалились на полотно железной дороги. Под конец запылало горючее, загорелись остатки внутренней обшивки бронепоезда — войлок, линолеум, деревянные части. Дымились ветвистые деревья, завалившие бронепоезд. Долго огромный костер чадил над лесом.

Луна плыла по звездному небу, как большой матово-желтый шар. На лесных полянах, под широкими ветвями деревьев, возле мерно журчащего ручья — всюду крепко

спали партизаны. Только рядом с землянкой еще бодрствовало несколько человек. Они разговаривали вполголоса, хотя вблизи не было людей. Лунный свет побелил лица, казавшиеся одинаково бледными и у румяного начальника штаба отряда, бывшего сельского учителя Кравченко, и у обладателя темно-красной, как бурак, кожи деда Памфила, и всегда бледнолицего командира Тимофеева.

— Нам удалось разгромить бронепоезд «Адмирал Колчак». Кроме того, мы заманили в лес и уничтожили два батальона белогвардейцев. Мы вооружились захваченными пушками, винтовками и пулеметами. Но не будем зазнаваться. Белые лишились бронепоезда и пехотного подкрепления, но они еще достаточно сильны. А самое главное то, что они продолжают грабить население. Наша задача — истребить всех белогвардейцев, — обращаясь к сидевшим рядом командирам, решительно высказался Тимофеев.

— Справедливые слова твои, товарищ Тимофеев. Немедля следует добывать белую банду, пока они переживают утрату броневоего поезда и пехоты, — согласно кивал головой дед Памфил.

— А чего нам ждать-то? Долбанем беляков сегодня же, — заметно окая, пылко зашептал начальник кавалерийской разведки вихрастый Емельян Семгин.

— Чепуху говоришь, Емеля. У белых есть пушки и много пулеметов. Разве можно без подготовки лезть на рожон? — сердито возразил начальник артиллерии отряда Сидор Мудров.

— Белогвардейцы превратили село Ивановку в укрепленный пункт. Нельзя атаковать, не зная, где у них заграждения, артиллерия, пулеметы и резервы, — спокойно сказал Кравченко.

— Я вовсе не против разведки. Сидор меня не так понял. Ты лучше вспомни, как Владимир Ильич Ленин учил, что иногда «промедление смерти подобно», — обидчиво заявил Семгин.

— Вы все правильно оценили обстановку, — примиряя спорщиков, подвел итог Тимофеев и озабоченно спросил начальника разведки: — Товарищ Семгин, где и когда белогвардейцы схватили Карпова с дочерью?

— Вчера утром, сразу после того как они вошли в село. По всей вероятности, их узнал и выдал кто-либо из тамошних кулаков, — угрюмо ответил Семгин.

— Карпову было поручено разведать все о белых и связаться с нашими людьми в селе Ивановке. Теперь, когда он арестован, необходимо послать другого человека. Но мы не имеем времени на это, так как не можем откладывать наш удар по белогвардейцам. А потому я решил завтра утром пойти в разведку, — негромко сказал Тимофеев.

— Может быть, я схожу? — быстро предложил Семгин.

— Или я? — попросил Мудров.

— Разведка — прямая обязанность начальника штаба, а поэтому позвольте мне самому пойти! — настойчиво вызвался Кравченко.

— Я тоже не хуже молодых все высмотрю, — торопливо проговорил дед Памфил. — Как бывалый солдат, который в японской кампании участвовал и на германском фронте воевал. В команде пеших разведчиков служил. Немедля схожу в Ивановку.

— Спасибо, товарищи! Я верю, что каждый из вас не хуже меня сумеет все разведать. Однако есть непреодолимое препятствие. Вы все — местные жители. Тот предатель, который узнал и выдал белым Карпова, сможет опознать и выдать вас. Мы зря потеряем ценного товарища и не получим вовремя сведений о противнике. Нам придется снова откладывать наступление, — разъяснил Тимофеев.

— Против этого ничего не скажешь, но и тебя — командира отряда — нам терять нельзя. Следует поискать другого человека, которого тоже, как тебя, не знают в Ивановке, — попытался убедить командира Кравченко.

— Повторяю, что у нас просто нет времени, — твердо объявил Тимофеев и полушутливо добавил: — Я в простую разведку не хожу, товарищи. Но по должности обязан ходить в командирскую. Тем более, что наши разведчики говорят, в бинокль генерала видели.

— И впрямь генерала... Шитый золотом погон и красные лампасы. По всем признакам генерал, — утверждал Семгин.

— Казаки — те, поди, тоже с лампасами, — возразил дед Памфил.

— Лампас лампасу рознь. И к тому же у генералов лампас двойной. Я об заклад бьюсь, что это генерал самый настоящий, — горячился начальник разведки.

— Ну вот и отлично. Вы бейтесь об заклад, а я разниму. Сам побываю в селе, все высмотрю и разузнаю. Так что если там настоящий генерал, то держать деду Памфилу ответ, — подталкивая спорщиков, хлопая их по спинам, шутил Тимофеев.

— Значит, все же идешь? — хмуро переспросил старик.

— Решил и иду, дорогой Памфил Спиридонович! Время не терпит. Надо выручать Карпова и еще многих товарищей, которых белогвардейцы арестовали и не сегодня-завтра могут казнить, — серьезно ответил Тимофеев.

Солнечный луч подновил полинявшую позолоту на потемневшем от времени тусклом серебре икон. Перед занимавшим весь угол комнаты иконостасом подвешенная на толстых цепях мерцает лампадка. Возле иконостаса большой стол, накрытый свешивающейся к полу топографической картой. В середине комнаты второй стол, заваленный папками и бумагами. У стены походная кровать и тумбочка с граммофоном.

Среднего роста плотный мужчина с бородкой торопливо расхаживал из угла в угол. На нем защитный китель с погонами генерал-майора царской армии.

Повернувшись лицом к столу, на котором разложена карта, генерал прищурил глаза, потом поглядел в окно на солнечные блики. Светлый, прозрачный день никак не вязался с его настроением, с гнетущими мыслями.

В какое опасное положение поставили его, князя Трубецкого, проклятые партизаны? В сибирском правительстве в Омске главную роль играют эсеры и меньшевики. На собраниях и в газетах они проповедуют народовластие, а на усмирение бунта крестьян, идущих за большевиками, эти типы нарочно послали его — бывшего царского генерала и титулованного дворянина-помещика. Они не хотят пачкать рук. Им — веселая жизнь в большом городе Омске, а ему — черная работа в этой деревенской трущобе, битком набитой партизанами-большевиками и сочувствующими им мужиками. Любая его неудача будет раздута из мухи в слона. Хорошо, что бронепоезд и пехота не успели прибыть сюда в его распоряжение, а то оправдаться было бы совсем невозможно. Здесь пора кончать с большевиками-партизанами, а там в Омске — с лицемерными

болтунами эсерами и меньшевиками. Нам везде нужна твердая власть.

Генерал отошел к двери и громко крикнул:

— Господин адъютант! Ко мне!

В комнату быстро, звеня шпорами, вошел щеголеватый офицер с аксельбантами.

— Ваше превосходительство, ротмистр барон фон Манштейн по вашему приказанию прибыл! — молодцевато доложил он.

— Я приказывал вызвать ко мне начальника контрразведки, — жестко произнес генерал.

— Капитан Болховитинов уже здесь, ваше превосходительство. Вы не разрешили входить без вашего приказа. — Ротмистр подошел ближе к генералу и тихо сказал: — Ваша светлость, разрешите доложить... Капитан Болховитинов не совсем в форме... Видимо, опять выпил лишнее...

— Господин барон! Вы находитесь в штабе карательной бригады войск сибирского правительства, а не в офицерском клубе. Здесь не место для болтовни! — резко прервал генерал.

— Простите, ваше превосходительство. Разрешите исполнять приказание? — отступая к двери, с явной обидой, сухо сказал адъютант.

— Пойдите... — мягким движением остановил фон Манштейна генерал и негромко спросил: — Что говорят офицеры о нападении партизан на бронепоезд «Адмирал Колчак» и направлявшееся к нам пехотное подкрепление?

Оглянувшись на дверь и снова приблизившись, фон Манштейн доверительным шепотом медленно проговорил:

— В нашей бригаде только об этом и болтают. Одни обвиняют во всем командира бронепоезда, другие пехотного командира, но все считают почти невероятным, чтобы простые сибирские мужики, собравшиеся в партизанский отряд, могли одним ударом захватить бронепоезд, оборудованный по последнему слову техники, и уничтожить два батальона кадровой пехоты. Все офицеры считают, что, по-видимому, этими красными бандитами командует какой-то опытный и определенно талантливый военный специалист. Кто он, откуда взялся — загадка, о которой много спорят. Ну, и еще разное говорят...

Во время рассказа адъютанта генерал нервно пощи-

пывал бородку, пристально вглядываясь в светло-голубые, водянистые глаза фон Манштейна. Услышав последние слова, Трубецкой, как бы очнувшись, быстро переспросил:

— А именно, барон? Что — разное?

Адъютант еле заметно самодовольно улыбнулся. Нагнув голову, он с поддельной искренностью тихо проговорил:

— Вам, ваша светлость, я говорю все... как исповедывался в юности только пастору в нашем родовом поместье... Сегодня утром в присутствии многих офицеров капитан Болховитинов грубо осуждал вас... Этот пьяница высмеивал вас, обвиняя в нерешительности и вялости. Болховитинов говорил, что пора передать командование нашей бригадой в железные руки, если мы хотим уничтожить партизанскую банду. Он сказал, что в вашем бездействии — настоящая причина гибели бронепоезда и двух батальонов...

Заметно покраснев, Трубецкой нетерпеливо перебил фон Манштейна громким вопросом:

— Он осмелился заявить это во всеуслышание?

— Так точно, ваше превосходительство. Во всеуслышание!

— Благодарю вас за преданность общему делу, господин барон. Позовите капитана Болховитинова, — внешне спокойно произнес генерал.

— Рад служить, ваше превосходительство, — рявкнул адъютант.

Взволнованный генерал схватил со стола циркуль, быстро подошел к топографической карте и начал измерять на ней циркулем расстояния.

В комнату быстро вошел узкоплечий офицер с землистого цвета лицом, на котором выделялись большие неестественно расширенные глаза. На левом рукаве черного френча белыми нитками вышиты череп и скрещенные кости. Офицер резко поднес руку к черной с белыми кантами фуражке.

— Начальник контрразведки бригады капитан Болховитинов явился, ваше превосходительство! Вы вызывали меня? — низким хриловатым голосом равнодушно произнес он.

Стоявший у карты генерал медленно обернулся и гнев-

но посмотрел на вошедшего. Не ответив на приветствие, генерал негромко, с яростью выговорил:

— Слушайте, вы, капитан Болховитинов! Долго еще будет продолжаться ваше бездействие? Ваша преступная нерешительность и вялость? Черт возьми! — Генерал внезапно начал кричать и топать ногами. — Кто вы такой в моей бригаде? Начальник контрразведки или просто штабной болтун? Знали вы или не знали о намерении красных бандитов напасть на бронепоезд и пехотные батальоны?

Ошеломленный капитан Болховитинов, теряя самообладание, повысив голос, тоже закричал:

— Вы что же, ваше превосходительство, думаете, что я предатель? Что я знал и не предупредил вас? Я имею заслуги в борьбе против большевиков! Я участник боев с ними с первого дня...

Князь Трубецкой резко шагнул к столу и перебил капитана:

— Незнание противника в такой, как у нас, боевой обстановке равносильно предательству!

— Вы не имеете права оскорблять кадрового офицера! Дворянина и кавалера боевых орденов!.. — срывающимся голосом возмущенно продолжал Болховитинов.

Генерал сел в кресло и, сильно ударив кулаком по столу, закричал:

— Молчать! Вы что — воображаете, что засевающие в Омском правительстве эсеры и меньшевики простят нам этот позорный провал? Где была ваша хваленая агентура, где были вы сами, когда бронепоезд попал в засаду? Почему вы не знали о второй засаде, которая ждала подходившую пехоту?

Постепенно приходя в себя, капитан угрюмо пояснил:

— Знать об этом входило в обязанности прежде всего командира бронепоезда и пехотного командира. Они двигались без разведки и охранения, которые положены по уставу. Если бы их не убили в бою, я бы первый допросил их об этом по-своему...

Усмехнувшись, давая почувствовать свое превосходство, генерал внушительно произнес:

— Я не могу наказать за плохую войсковую разведку павших в бою командиров. А вот вы будете отвечать за бездействие ваше и вашей агентурной разведки!

Утвердительно качнув головой Болховитинов со скрытой насмешкой вежливо проговорил:

— Ваше превосходительство, вы можете спросить с одного меня за троих. Но не кажется ли вам, что мы только теряем драгоценное время? А большевики не дремлют...

Генерал молча закурил и протянул ящичек с длинными сигарами Болховитинову. Тот взял сигару дрожащими пальцами. Затянувшись и выпустив дым, генерал более спокойно сказал:

— Слушайте внимательно, капитан. Пора кончать. Больше двух месяцев целая карательная бригада не может истребить банду полувооруженных мужиков! Стыдно! Вначале, как вы помните, нам удалось уничтожить несколько небольших групп. Но дальше — дело не пошло. А последнее время ряд провалов. Например, история с бронепоездом. Она в какой-то мере объясняется тем, что партизаны знают о всех наших действиях от местных жителей. Говоря откровенно, мне кажется, что здесь почти каждый мужик и лесоруб-рабочий — красный партизан или связан с ними... Следовательно, надо кончать все одним внезапным ударом — мощным и стремительным.

— Так точно! — подтвердил Болховитинов.

— Для составления плана боевых действий нужен ряд сведений. Доложите все, что сегодня вам известно о красных, — приказал генерал.

— Известно, что в партизанском отряде участвует большая часть здешнего населения — это значит от двух до трех тысяч человек. Их вооружение состоит из винтовок, карабинов и пулеметов.

— Да? А откуда вы это все знаете? — с усмешкой спросил генерал.

— Сведения я получаю от здешних богатых мужиков и от агентов-лазутчиков. Кроме легкого вооружения, у партизан есть еще четыре орудия, снятые с бронепоезда «Адмирал Колчак», его шестнадцать станковых и двадцать легких пулеметов, — уязвленный пренебрежительным тоном генерала, самолюбиво заявил Болховитинов, умышленно перечислив захваченное партизанами вооружение бронепоезда.

— Об этом я знаю. Главный вопрос: где основные силы партизан? И еще: кто ими командует? Это опытный военный? — недовольно перебил его генерал новым вопросом.

— Где их штаб, установить до сих пор, к сожалению, не удалось. Кто их командир? Я знаю о нем пока лишь то, что он не местный житель, даже не уроженец Сибири... Из простых, но сведущий в медицине. Сам делал сложные перевязки тяжелораненым. Он в прошлом был на действительной военной службе — на одном из фронтов. Вероятно, рядовым...

— Рядовым?.. Очевидно, вы слабо разбираетесь в военном деле, начальник контрразведки. Неужели вы серьезно думаете, что рядовой, командуя вооруженным сбродом, мог бы взять в огневой мешок два батальона регулярной пехоты! — насмешливо воскликнул генерал. — Итак, капитан, даю вам сорок восемь часов для того, чтобы выявить, где расположен лагерь и штаб партизан, и узнать, кто их командир. Его надо купить или убрать. Итак — сорок восемь часов! Помните, — оборвав капитана на полуслове, строго уведомил Трубецкой.

— Слушаюсь. Однако, ваше превосходительство, мне необходимы деньги для агентуры. Вы получили на днях некоторую сумму в долларах от наших союзников-американцев, — развязно выложил Болховитинов.

— Откуда вы пронюхали об этом, капитан Болховитинов? — грубо спросил генерал.

— Начальник контрразведки должен, как вы не раз говорили, знать все! — рассмеявшись от удовольствия, сказал Болховитинов. Но через несколько секунд он пожалел, что сказал об этом.

Внезапно изменившись в лице, генерал поднялся из кресла и властно спросил капитана: — Немедленно доложите, кто вам говорил о долларах, капитан Болховитинов! Иначе... вы меня знаете.

— Мне говорила об этом ваша крестница, штабная переводчица Лили... виноват, княжна Прозоровская, Елена Георгиевна... — растерявшись, забормотал Болховитинов.

— Так вот, капитан. Я уже сообщил нашему главному командованию в Омск, что виновными в постигшей нас военной неудаче считаю покойного командира бронепоезда полковника Римана и покойного командира сводных батальонов пехоты полковника Сукова, — начал Трубецкой.

— Это вполне справедливо, господин генерал! — обрадованно вставил Болховитинов.

— Но в своей шифровке я приписал, что лично веду расследование о других виновниках этой трагедии... Надеюсь, вам понятно? — многозначительно спросил генерал.

— Так точно, ваше превосходительство! Я в ваших руках,— мрачно сказал Болховитинов.

— Как видите, в такой обстановке вам лучше думать не об американских долларах, а о своих прямых обязанностях начальника контрразведки. Не так ли? — торжествующе усмехнулся генерал.

— Совершенно верно, господин генерал... — подавленным тоном признал Болховитинов.

Пройдясь по комнате, Трубецкой неожиданно добродушно сказал угрюмо молчавшему Болховитинову:

— Заведите граммофон, капитан. Иногда полезно отвлечься от служебных дел. Поставьте вальс.

Затем генерал подошел к двери и громко приказал:

— Ротмистр! Пригласите ко мне княжну Прозоровскую!

В это время Болховитинов нашел пластинку и завел граммофон.

Генерал уселся на диван. Приблизившись к Трубецкому и стоя в почтительной позе, капитан вкрадчиво сказал генералу:

— Ваше превосходительство, я стараюсь изо всех сил, не жалея себя и времени. Каждый день допрашиваю по несколько человек. Но трудно добиться желательных показаний. Большевики вообще отказываются говорить что-нибудь. А сочувствующие мужики подражают им.

— Много у вас сейчас под замком? — оживляясь, спросил генерал.

— Пятьдесят три человека, из них семь женщин,— деловито сообщил капитан.

— Есть заслуживающие внимания?

— Так точно! Есть. Например, двое — отец и дочь Карповы. Тайнственная парочка. Местные жители... находились неизвестно где больше четырех месяцев. Незаметно вернулись в село, но были обнаружены моим агентом — владельцем мельницы Буковым — и схвачены,— доложил капитан.

— В чем вы их подозреваете?

— Я полагаю — это либо партизанские связные, которые пришли на явку в село, либо агенты для разведки

нашего расположения. Весьма вероятно и то и другое,— ответил Болховитинов.

— Прикажите немедленно привести их сюда. Я поговорю с ними сам. А вы, капитан, остановите пластинку и идите работать. Помните — сорок восемь часов! — жестко подчеркнул князь Трубецкой и, повернувшись спиной к Болховитинову, подошел к топографической карте.

— Слушаюсь, ваше превосходительство,— останавливая диск граммофона, тихим голосом вяло сказал капитан.

Выходя из комнаты, Болховитинов молча поклонился появившейся в дверях молодой, красивой, хорошо одетой женщине. Ответив небрежным кивком, женщина вошла в комнату, напевая вполголоса что-то по-французски.

Не обращая на нее внимания, генерал всматривался в карту.

Подождав немного, женщина подошла к генералу, стала за его спиной и сказала игривым тоненьким голоском:

— Малютка Лили прибежала к своему крестному папе за конфеткой!

Генерал, не ответив, продолжал измерять расстояния на карте.

Отступив на шаг, Лили сказала сухим, громким, отрывистым тоном:

— Переводчица штаба вверенной вам карательной бригады княжна Прозоровская честь имеет явиться к вашему превосходительству!

Внезапно повернувшись лицом к ней, генерал сердито бросил:

— Я вас вызвал по делу. Вы не оправдали моего доверия.

— Разрешите узнать, в чем я не оправдала вашего доверия, князь? Как переводчица штаба? Или как дочь вашего друга детства?

— Я вызвал вас для служебного разговора, а не как свою крестницу и дочь моего лучшего друга. Слишком много светской болтовни, княжна. Вы забываете, что вы на войне, а не в петербургском дворце вашего батюшки! Ваш титул, связи и некоторые заслуги не спасут вас от военно-полевого суда,— грозно заверил князь Трубецкой. Деланно вздрогнув, княжна нарочно подалась назад и, притворяясь испуганной, воскликнула:

— Суд?.. За что? — Затем с трудом негромко вымол-

вила: — Но неопытность молодой, одинокой девицы — разве не смягчающее обстоятельство даже для такого строгого судьи, как вы?

— Военно-полевой суд обычно состоит из трех офицеров, не зависящих ни от кого в своих мнениях и приговоре. На днях вы опять проболтались об американских долларах, — злобно упрекнул Трубецкой.

— Я?.. Но это надо проверить! Я надеюсь, вы лично проведете следствие и допросите меня? Впрочем, чтобы не утруждать вас, я заранее готова признать себя виновной. Я искуплю свою вину даже с риском для жизни. Я готова выполнить любое задание по разведке. Хотите, я проникну под видом беженки в лагерь здешних партизан? Пошлите меня куда угодно, только простите вашу маленькую крестницу Лили, дорогой папа! — вкрадчиво сказала княжна.

— Посмотрим. Проверим, Елена Георгиевна, вашу готовность искупить вину не на словах, а на деле... А пока для вас есть дело. Вы сейчас поможете мне допросить двух партизан, отца и дочь, — смягчившись, проговорил Трубецкой.

— С большим удовольствием, князь! — обрадованно сказала Лили.

— Ротмистр! Прикажите доставить сюда арестованных отца и дочь Карповых! — распахнув дверь, крикнул генерал.

Плотно закрыв дверь, князь Трубецкой подошел к Лили и, пытливо вглядываясь в ее глаза, внезапно спросил:

— Однако объясните мне все же, княжна, для чего вы рассказали капитану Болховитинову о моей встрече с офицерами американской разведки? Что вас с ним связывает? Любовь или служба в контрразведке?

— Ни то, ни другое. Просто я хотела доказать ему, что мы не одни в борьбе с большевиками, что у нас есть союзники. В моем возрасте, в наше время, можно любить только по расчету, а это значит — богатых и штатских, а лучше всего иностранцев. Я устала от революции, большевиков, непрерывных тревог и опасений за будущее, от войны.

— Вы теряете романтичность, — поморщившись, брезгливо заметил Трубецкой.

— У меня потеряно все. Жениха убили солдаты на

фронте. Генерала отца расстреляли в чека за участие в заговоре против Советской власти. Большевики отняли у меня богатство, титул, счастливую жизнь... Я теперь должна ползти бесшумно, как змея. И если встречу врага, то... или притворюсь мертвой, или ужалю его насмерть,— холодным тоном объявила княжна.

— Вы опасный человек, Лили. Как хорошо, что меня вы не будете жалить ни при каких обстоятельствах! Ведь я ваш крестный отец и мы с вами, княжна, принадлежим к одному классу,— шутливо сказал князь Трубецкой.

— Если это будет необходимо мне лично, то и вам не будет пощады, ваша светлость,— тихо засмеявшись, ответила княжна.

Удивленный генерал собирался спросить княжну о чем-то, но в дверях появился адъютант, и разговор прервался.

— Ваше превосходительство, привели арестованных.

— Пусть войдут!

Рослый белогвардеец с погонами фельдфебеля втолкнул в комнату пожилого крестьянина, у которого были связаны за спиной руки, и девушку. Положив руку на кобуру пистолета, фельдфебель остался возле двери.

Внимательно разглядев арестованных, генерал приветливо обратился к девушке:

— Подойди поближе! Скажи, красавица, как тебя зовут?

— Карпова Лукерья,— опустив глаза, ответила девушка.

— Луша... Скажи, Луша, где вы были последние четыре месяца? Только говори правду,— улыбаясь, спросил генерал.

— Я уже сказала... Ничего не знаю,— твердо заявила Луша.

— Кому сказала? — усмехнулся генерал.

— Вашему офицеру с костями на рукаве,— нехотя ответила Луша.

— Ему ты сказала, что ничего не знаешь, а мне скажешь все, что знаешь. Твой отец — большевик! А для большевиков у нас припасены веревки и пули. Тебе это понятно? — многозначительно пояснил генерал.

— Понимаю... Вы всех простых людей убиваете,— смело и громко произнесла девушка.

— Не всех, а тех, кто правды не говорит. Знаешь, что мы с тобой сделаем? — злобно перебил Трубецкой.

— Что хотите делайте... Ничего я не знаю. Душегубы! — воскликнула вдруг девушка.

— Ну, ну! Тихо! Слушай и запомни! Если расскажешь, кто послал тебя сюда, в это село, кто ваш командир, скажешь откуда ты пришла и где ваш лагерь, — я отпущу тебя на все четыре стороны! Но если...

— Ничего не скажу, — повторила девушка.

Взбешенный Трубецкой угрожающе поднял руку. Быстро сделав шаг вперед, пожилой крестьянин заслонил дочь.

— Что вы привязались к девке? Господин генерал... Она ведь совсем дитя еще. Вы с меня спрашивайте, — глядя прямо в глаза Трубецкому, потребовал крестьянин.

— Батя! — умоляюще воскликнула Луша.

— С тебя? Понимаю. Значит, ты скажешь все? — радостно оживляясь, спросил Трубецкой.

— Что ж, господин хороший, я кое-что тебе так и быть уже скажу. Зовут меня Никита, по батюшке Семенович, а фамилия моя Карпов. Я здешний крестьянин. А еще вот что добавлю. Бывалый вояка, старший унтер-офицер гусарского полка. С четырнадцатого года по семнадцатый в боях. Вы изволите о нашем партизанском командире спрашивать? Кто он да где? Ничего не скажу. А моя дочка молода, ничего не знает.

— Ее я сейчас при тебе прикажу заporоть до смерти, мужик! — гневно предупредил генерал.

Стоявшая в углу и молча наблюдавшая за допросом княжна почтительно обратилась к генералу:

— Разрешите, ваше превосходительство, я поговорю с малюткой?

Еще багровый от гнева, князь Трубецкой кивнул головой.

Княжна властно приказала фельдфебелю:

— Черных, развяжи ей руки! Ей больно!

Фельдфебель поспешно снял веревки.

Княжна подошла к девушке и ласково заговорила:

— Бедная девочка... Луша, ведь тебя, кажется, так зовут?

— Я для вас не Луша. Я арестованная, — строго сказала девушка.

— Я знаю: тебя допрашивают, пугают... А тебе достаточно только говорить правду. Подумай: зачем тебе му-

читься из-за каких-то злых, чужих тебе мужиков? — слащавым тоном внушала княжна.

— Я сама мужичка! — глядя прямо в глаза Лили, крикнула Луша.

Княжна, меняя тон, холодно изрекла:

— У нас, как тебе уже сказал господин генерал, совсем нет времени, чтобы возиться с тобой, девочка. Мы не станем долго тебя уговаривать и упрашивать подумать о себе самой. Речь идет о твоей голове. Если ты скажешь, кто ваш командир и где он находится, — я обещаю спасти твою жизнь и жизнь твоего отца.

Не дождавшись ответа Луши, снова заговорила ласково:

— А тебя, если хочешь, я возьму к себе... Не служить, нет! Ты будешь моей подругой. Я одна... Я буду тебя красиво одевать...

Княжна быстро сняла с руки золотой браслет и обняла девушку, намереваясь надеть браслет ей на руку.

— Хочешь эту безделушку, а? — искушала княжна.

— Отойди от меня! Пусти! — злобно крикнула Луша и внезапно оттолкнула княжну.

Генерал бросился вперед и поднял упавшую от сильного толчка княжну. Разъяренная Лили не сразу пришла в себя от неожиданности. Она выхватила из сумочки маленький браунинг и прицелилась в девушку.

— Дрянь! Как ты посмела поднять на меня руку! — завопила княжна. — Я убью тебя!

Фельдфебель Черных крепко держал Карпова, который рвался к дочери.

Генерал предостерегающим, властным движением руки остановил княжну и холодно сказал:

— Повесить ее мы всегда успеем. Мне нужны сведения о партизанах. Если девка не скажет по-хорошему, то я прикажу вырвать у нее признание огнем и шомполами. Может быть, она хочет быстрой и легкой смерти, но я не доставлю ей этого удовольствия.

Княжна молча выслушала генерала, кусая губы, с красным и перекошенным от злобы лицом.

— Я надеюсь, вы знаете, Лили, что многие предпочитают быть сразу расстрелянными, чем подвергнуться медленной пытке железом и пламенем, — многозначительно сказал княжне генерал.

— Негодяй! — порываясь к генералу, крикнул Карпов.

Великан фельдфебель выкручивал партизану руки, еле удерживая Карпова на месте.

— Я поняла вашу мысль, ваше превосходительство, — медленно заворачивая дрожащими пальцами в носовой платок свой пистолет, ответила княжна.

— Мы с вами, Лили, выйдем на улицу и совершим небольшую прогулку в автомобиле. Это успокоит вас, — любезно предложил генерал. — Вы согласны?

— Да князь. Один вид этой наглой девки снова приводит меня в бешенство. Я успокаиваюсь только при мысли о том, какие пытки ожидают эту упрямую мужичку, — глядя с ненавистью на Лушу, прошептала княжна.

— А тебе, большевик, даю пятнадцать-двадцать минут на размышление. Когда я вернусь, ты доложишь мне расположение, численность, вооружение партизан, скажешь ваш секретный пропуск и укажешь дорогу. Не то я разделаюсь с твоим отродьем и с тобой, господин гусар! — с едкой усмешкой пригрозил генерал.

Выводя княжну на улицу, генерал приказал фельдфебелю:

— Черных! Стой в дверях и стереги большевиков!

— Слушаюсь, ваше превосходительство! — рявкнул фельдфебель.

После ухода генерала фельдфебель внимательно оглядел комнату. Затем быстро подошел к столу и налил из графина стакан водки. Запрокинул голову и сразу выпил. Взял из ящичка длинную сигару. Закурил и грубо проворчал: — Эй, вы! Мужепесы лапотные! Отойдите в тот угол! Подальше от двери.

Карпов и Луша перешли в другой конец комнаты. Черных подошел к двери, присел на стул и с наслаждением затянулся сигарой. Вскоре он всецело погрузился в курение.

Нагнувшись, Луша поцеловала отца и тихо прошептала: — Зачем вы, батя, на себя им столько наговорили? Все из-за меня... — Озабоченный Карпов, поглядывая на мурлыкающего песенку фельдфебеля, прошептал в ответ:

— Не из-за тебя. Пусть не думают, негодяи, что мужик глупее и хуже их. Придется им перед народом ответ держать.

— Что теперь с нами будет! — вздохнула девушка.

— Может, и не будет ничего. Наши в обиду не дадут. Найдут, как выручить, — успокоил дочь Карпов.

— Если бы наши пришли, — с надеждой прошептала Луша.

— Все бывает в жизни, — в раздумье шепчет Карпов и, прищурив левый глаз, словно прицеливаясь, смотрит на фельдфебеля.

Девушка осторожно трогает связанные за спиной руки отца и сноровисто ощупывает узлы веревок.

— Я развяжу тебя, папа? Авань он не заметит, — прильнув к голове отца, шепнула Луша.

— Это можно. Но дай подумать немножко, стоит ли это делать. Я кое в чем сомневаюсь, — вполголоса произнес Карпов.

Пальцы девушки скользили по веревкам, пытаюсь растянуть туго скрученные узлы.

— Тебе легче, папа?

— Да, доченька, но больше не стоит. Я прикинул все. Раньше чем мы справимся с этим верзилой, он вполне успеет поднять тревогу. А тогда какой смысл нападать на него. И второе препятствие. Мы вдвоем не убежим. Если даже мы отсюда выберемся, нас все едино задержат по дороге. Наши враги — кулачье — на каждом шагу по всей Ивановке сторожат улицы и закоулки. Все они знают нас. И ежели увидят на свободе, то никак не поверят, что нас белые отпустили. А потому мы не можем выбраться из села. Подождем этого идола превосходительство. Может быть, если я на себя всю вину приму, он тебя выпустит, а ты мигом приведешь наших и вызволишь меня, — не спуская глаз с фельдфебеля, еле слышно прошептал Карпов.

— Вы о чем там, папа с дочкой, шушукаетесь? — лениво пробурчал фельдфебель, разгоняя широкой ладонью табачный дым.

— О тебе говорим, добрый человек! Сидим и мечтаем, а что ежели ты нас отпустишь домой и подаришь на память свой пистолет! — веселым тоном громко ответил Карпов и выразительно добавил: — А мы бы тебе отвалили за это немалую толику деньжат царскими рыжиками, господин фельдфебель!

— Нет, шалишь, старик! Ты сам признался генералу, что ты большевик и партизан! А я по своей охоте, добровольно служу, так как люто ненавижу большевиков.

У тебя с дочкой одна судьба — шомпола и петля! И никто вас не спасет и не пожалеет. Скоро мы изведем вас всех до единого, красная зараза! — зло торжествуя, пообещал фельдфебель.

— Эх, мне бы пулемет сейчас и полдюжины гранат, я бы показал белякам, как мы умеем бить. Но ничего, последнее слово за нами... — начал Карпов, обняв дочь за плечи.

Неожиданно фельдфебель быстро вскочил и поспешно наступил сапогом на сигару. Затем вытянулся в струнку у двери и скомандовал звонким голосом:

— Встать! Смирно! Равнение на середину!

Карпов и Луша, не шелохнувшись, продолжали сидеть. Фельдфебель свирепо покосился на них, но с места не тронулся. Отец и дочь посмотрели на дверь. На ходу вытирая платком лоб, медленно вошел генерал князь Трубецкой.

Угловато вскинув руку к козырьку фуражки, фельдфебель Черных выпятил грудь и прокричал:

— Ваше превосходительство! За время вашего отсутствия никаких происшествий не случилось. Арестованные большевики Карпов Никита и Карпова Лукерья здесь налицо. Докладывает фельдфебель Черных Варфоломей.

Генерал небрежно махнул рукой, посмотрел на арестованных и спросил Карпова:

— Ну что, говорить будешь?

— Я, твое превосходительство, все уже сказал. А ты хуже глупого мужика — задолбил одно... — вызывающим тоном ответил Карпов.

— Молчать, скотина! Фельдфебель! Взять его обратно и всыпать двадцать горячих с солью! Она — пусть остается! — побагровев, крикнул генерал.

Испуганная Луша подалась вперед.

— Батя!

— Крепись, дочка! Еще увидим, как они плакать будут! — воскликнул Карпов. Рассвирепевший Черных вытолкнул его за дверь. Луша застыла на месте.

Успокоившись, генерал сел за стол и бегло просмотрел бумаги. Через несколько минут он встал, шагнул к девушке и грозно спросил:

— Так кто же ваш командир и где он находится?.. Если ты мне все расскажешь, а потом укажешь место, где прячутся здешние партизаны, я отпущу тебя и твоего

отца. Больше того, я заплачу вам много денег, чтобы вы могли уехать отсюда. Ты согласна?

Девушка молча смотрела в слегка прищуренные, заплывающие жирком глаза генерала.

— Послушай, девка, мне некогда долго тебя уговаривать, — недовольно проговорил князь Трубецкой, но, подумав, добавил: — Впрочем, если ты боишься, что ваши большевики отомстят тебе за выдачу партизан, я обещаю тебе, кроме денег, выдать паспорт на другое имя.

Девушка презрительно смотрела в упор в холеное, барское лицо князя Трубецкого и не произнесла ни слова.

Обозлившись, генерал подошел к ней вплотную и одностручно процедил сквозь зубы: — Ну! Отвечай!

— Вот мой ответ! — воскликнула девушка и ударила генерала по лицу.

Отпрянув назад, генерал выхватил из кармана пистолет и боком отступая за стол закричал:

— Дежурный! Ко мне!

Распахнулась дверь, и в комнату вбежали ротмистр фон Манштейн и два солдата.

Закрывая платком лицо, генерал крикнул, указывая на Лушу.

— Немедленно повесить на площади! Сделать надпись, что она большевичка и партизанка! Пригласить княжну Прозоровскую посмотреть на казнь! Доложить мне о выполнении!

— Слушаюсь, ваше превосходительство! — гаркнул адъютант.

Солдаты подскочили к девушке, схватили ее и повели. Пряча от любопытного адъютанта лицо, генерал указал рукой на дверь.

Ротмистр звонко щелкнул шпорами и удалился.

★ ★ ★

Вряд ли кто мог бы узнать в плетущемся по дороге крестьянине, одетом в старенькую сермягу и поношенные лапти, командира Тимофеева. Дорога вела на заставу белых. Поравнявшись с пулеметом, возле которого стояли солдаты, крестьянин снял шапку и поклонился в пояс.

— Здравствуйте, отцы-благодетели! Господь бог вам в помощь! — нараспев сказал он, незаметно оглядывая расположение заставы.

— Проходи, проходи, да назад не выходи! — прибаутой ответил усатый фельдфебель.

Еще раз низко поклонившись, Тимофеев стал подниматься в село. Навстречу ему шла женщина с котомкой за плечами. Она направлялась к заставе.

«Пропустят ее или нет?» — подумал Тимофеев и тут же услышал за своей спиной грубые голоса:

— Назад! Сказано тебе: без разрешения военного начальства из села выхода нет!

Тимофеев быстрее зашагал к церкви. По дороге ехали повозки с солдатами-обозниками; попадались верховые. В середине села, на площади за церковной оградой, Тимофеев заметил накрытые брезентом артиллерийские орудия и зарядные ящики. Орудия стояли в тесном ряду и за кирпичной стенкой, так что извне нельзя было разглядеть, сколько их там. Тимофеев снял картуз и, размахисто крестясь, ровным шагом вступил за церковную ограду, направляясь к храму. У входа в церковь он приостановился и нагнулся, делая вид, что поправляет оную. Его взгляд скользнул по ребристой поверхности большого брезента, под волнистыми очертаниями которого вырисовывались стволы пушек.

Усердно поправив на ногах портянки, Тимофеев еще раз перекрестился, одел картуз и медленно вышел за ограду. На площади толпились люди. Они подходили к украшенному деревянной резьбой двухэтажному дому, на котором выделялась ярко размазанная красками большая вывеска «Бакалейная лавка».

Постояв у лавки, крестьяне, покачивая головами, расходились в стороны.

Приглядевшись, Тимофеев заметил на дверях лавки похожий на афишу лист бумаги. Он подошел к лавке и увидел, что это приказ белогвардейского командования.

Углубившись в чтение приказа, Тимофеев не заметил юркого тщедушного на вид человека, который вот уже несколько минут внимательно рассматривал его со всех сторон. Человечек, продолжая наблюдать за Тимофеевым, попятился к соседнему дому и быстро сказал толстяку в щегольской суконной поддевке:

— Господин Жилин! Вон тот фрукт с бородой и в холщовой сермяге и лаптях — не здешний крестьянин. Я его в нашей Ивановке первый раз вижу. У местных жителей такого временного постояльца тоже не было. По всему видно, что он пришлый человек.

— Спасибо, Лукич. Ты не отпускай его из виду, а я сей-

час подамся в батальон смерти. Они, голубчики, тут рыдышком за углом на постое,— ответил толстяк и поспешно скрылся за углом дома.

«Занимая селения, которые ранее были заняты бандитами — красными партизанами, требовать выдачи вожак движения. В тех селениях, где окажется невозможным найти их, но будет достаточно основания предполагать их присутствие, — расстреливать каждого десятого местного жителя...»

Не успел Тимофеев дочитать приказ, как сильный удар по шее заставил его упасть на колени. Дуло нагана упиралось ему в щеку. Унтер-офицер из вольноопределяющихся, с тщательно подстриженными усиками, в черной гимнастерке с черепом и скрещенными костями на левом рукаве, злобно прищурившись, рассматривал его.

— Марш вперед! Подозрительное движение — и пуля в затылок! — пригрозил унтер, пропуская вперед Тимофеева.

— Куда? — беззаботно осведомился тот.

— В штаб! Вон, где флаг висит...

Тимофеев обернулся и увидел над крыльцом большого дома трехцветный флаг. Умышленно неторопливо шагая к штабу, Тимофеев украдкой рассматривал прилегающие улицы, болтающихся без дела солдат в черной форме и стоявшие повсюду обозы.

Выждав некоторое время после того, как солдаты увели Лушу, адъютант осторожно заглянул в комнату и негромко спросил:

— Я вам не нужен, ваше превосходительство?

— Заходите, барон, у меня от вас нет секретов,— сказал Трубецкой. — Вы лучше других, барон, понимаете мое положение. Я бывший князь и царский генерал — бельмо на глазу у военного министра сибирского правительства старого эсера полковника Кракова. А тут история с потерей бронепоезда и разгром двух батальонов хорошей пехоты. Пьянчужка Болховитинов ничего не знает о партизанах, а из Омска требуют их окончательного уничтожения. Чтобы сместить непригодного пьяницу Болховитинова, мне надо уйму доказательств, и только потому, что он и военный министр, оба — эсеры.

Я решил допросить нескольких большевистских парти-

зан. Старика Карпова трудно провести, и я сразу понял, что едва ли мы добьемся от него показаний, даже применив пытку. Но его дочка оказалась мне подходящим источником. Молодежь иногда сговорчивее. Я обещал ей свободу и денежное вознаграждение. Посулил отпустить с ней отца. Но она, хоть и молода, оказалась заядлой большевичкой. Эта мужичка осмелилась меня ударить по лицу. Вот посмотрите, видны царапины...

— Дикарка. Не понимает культурного подхода,— посочувствовал фон Манштейн.

Генерал оттолкнул лежавшее на столе зеркало. Изменив тон, громко спросил:

— Шифровку в Омск военному министру полковнику Кракову отправили? О неудовлетворительной работе капитана Болховитинова ничего там не сказано?

— Никак нет, ваше превосходительство. Согласно вашему распоряжению.

— Пока не надо. Посмотрим, узнает ли он за сорок восемь часов, где основное ядро красных и кто их командир.

За дверью внезапно раздались громкие голоса. Генерал настороженно прислушался. Адъютант вынул из кобуры пистолет.

— Веди к его превосходительству!

— Давай мне, я его представлю!

— Господин генерал ему бороду расчешет!

— Я схватил, я и доставлю!

— Ты что, забыл устав? Почему обращаешься не по команде? Отдай мне задержанного! Смирно! Кругом! Шагом марш! — перекричал всех фельдфебель Черных.

Генерал подошел к двери, распахнул ее.

— Это еще что за базар? Прекратить! В чем дело?

Шум сразу стих, генерал вернулся к столу. Через минуту фельдфебель Черных втолкнул в комнату человека в заплатанной сермяге, вылинявших онучах и заношенных лаптях. Неизвестный держал в руках мешок и старый картуз. Молча и равнодушно смотрел он на генерала большими блестящими глазами. Длинные волосы и давно не стриженная каштановая борода состарили его молодое, с правильными чертами лицо. На бледной коже приметно выделялся неестественно яркий румянец. Если бы не борода, то ему можно было дать лет двадцать с небольшим.

— Что это? — внимательно присматриваясь к неизвестному, спросил генерал.

— Ваше превосходительство! Разрешите доложить о задержанной подозрительной личности. Обнаружен и схвачен в расположении вверенного вам войска! — молодцевато выпячивая грудь и задирая голову, выкрикнул фельдфебель Черных с порога.

— При каких обстоятельствах взят?

— По наводке лавочника Жилина, у лавки, как человек пришлый, никому в селе не известный, — рисуясь бравою выправкой, ответил служака-фельдфебель.

— Подойди ко мне поближе, — сказал генерал, обращаясь к задержанному.

Крестьянин, прижимая картуз к животу, послушно шагнул вперед и степенно поклонился генералу.

— Молодец, фельдфебель, можешь идти! — скомандовал генерал и повернулся к приведенному, строго спросил:

— Ты кто такой?

— Крестьянин Тимофеев. Моя фамилия — Тимофеев, имя Тимофей, и отца звали Тимофей, — добродушно улыбаясь, ответил задержанный.

Присматриваясь к Тимофееву, генерал бросил адъютанту:

— Обыскать!

Крестьянин Тимофеев неторопливо достал из-за пазухи завернутый в тряпочку клеенчатый бумажник и бережно вынул документ.

— Паспорт — вот, — спокойно проговорил он и отдал его генералу.

Адъютант ощупал привычным движением все швы одежды Тимофеева, выворотил подкладки сермяги и картуза, заглянул в мешок, брезгливо осмотрел снятые лапти и онучи.

— Ваше превосходительство, докладываю, что ничего, кроме хлеба и пачки махорки, при нем нет. Полагаю, что хлеб и махорку надлежит отобрать! — сказал барон фон Манштейн.

Генерал протянул адъютанту паспорт — плотный лист белого картона с царским двуглавым орлом и большой печатью.

— Ротмистр, понюхайте, не пахнет ли лимоном. Может быть, фальшивка? — и генерал передал барону паспорт. Адъютант подошел к окну, разглядывая паспорт на свет.

Осторожно намочил водой написанные в паспорте чернилами буквы. Затем понюхал их.

Отрицательно покачав головой, адъютант возвратил паспорт генералу.

— Никак нет, ваше превосходительство. Без лимончика. Паспорт, по внешнему виду, настоящий... Если подделка, то подделка превосходная,— уверенно заявил ротмистр.

— Положите паспорт на мой стол,— приказал генерал и повернулся к Тимофееву.

— Итак, борода, паспорт у тебя настоящий?

— А какие же они еще бывают, паспорта? — удивился Тимофеев.

— Молодой ты парень, а бороду отпустил, как у деда,— шутливо сказал генерал и, внезапно изменив тон, строго спросил. — Зачем тебе эта борода?

— У нас, ваше высокородие, у истинно верующих в господа бога Христа старообрядцев, завсегда такие бороды,— охотно объяснил Тимофеев.

— Так ты старообрядец? Верующий? — спросил генерал.

— Я в превеликой кротости и миролюбии отцом и матерью воспитан. Родители учили с детства меня: господу богу молись; с жизни святых бери пример; старших почитай; начальство уважай, зла никому не делай,— певуче протянул Тимофеев.

— И я тому же родителями научен. Православной святой вере и всепрощающему человеколюбию... Вот такие, как ты, правдолюбцы, об этом истинном учении и должны проповедовать всему народу. А обо мне можешь рассказать, как об истинно верующем и кротком рабе божьем. И напоминай людям нашу первую заповедь «не убий»,— слащавым тоном сказал генерал.

— А ежели люди спрашивать будут: коли его высокородие человеколюбец такой, то почто с солдатами да пушками сюда прибыли? — простодушно спросил Тимофеев.

— Взбунтовались здешние мужики, озверели, как медведи. А на медведя с голыми руками не ходят,— хмуро пояснил генерал.

— Что ж, и так бывает... Когда люди затравят медведя — он, затравленный, и сам полезет на рогатину напролом,— выразительно промолвил Тимофеев.

— Что такое? Ты мне деревенские басни не рассказывай... — с подозрением, разглядывая в упор Тимофеева, недовольно перебил его генерал и вдруг неожиданно крикнул:

— А ну, перекрестись! Быстро!

Тимофеев неторопливо огляделся по сторонам, с достоинством подошел к иконам, встал на колени и размашисто перекрестился двуперстием.

— Ладно, встань. Объясни мне все-таки, куда же путь ты держишь, голубчик? — ласково сказал генерал.

— Так что, ваше высокородие, в Барнаул на городские заработки податься порешил. На отхожий промысел... По малярному делу мастер я, — поднимаясь на ноги, доверчиво глядя в лицо генералу, сказал Тимофеев.

— В Барнаул? А зачем тебе так далеко от дома шагать?

— Дальше пойдешь — больше увидишь и узнаешь. Вот я люблю людей, а плохо их знаю.

— Да ты, брат, философ! А хочешь здесь на месте и людей повидать и деньги заработать? — быстро перебив Тимофеева, откровенно спросил генерал.

— Покорно благодарю. Кто от заработка откажется! — низко поклонился Тимофеев.

— Тебя здешние жители совсем не знают?

— И меня не знают, и я никого не знаю.

— Отлично. Ты пойдешь сегодня в большой лес. Куда именно — я тебе укажу. Там повстречаешь вооруженных мужиков. Они называют себя партизанами. Все они пропащие люди, потому что все они большевики. А большевики — они в бога не верят, как слуги антихриста. Но тебя они не тронут — взять с тебя нечего: свой брат, крестьянин. Ты можешь сказать, что бежал от белогвардейцев, которые задержали тебя здесь, в Ивановке, и хотели забрать служить. Они тебе посочувствуют. Они принимают наших дезертиров. А сам разузнай: кто у партизан главный командир? Кто всем заправляет? Понял? — вразумительно, уже тоном приказа наставлял генерал.

— Понять не трудно.

— И запомни хорошенько, где их лагерь. Вернешься, — мне лично все доложишь. Получишь столько денег, сколько за год маляром не заработаешь! Согласен?

— Нет, ваше высокородие. Это дело не по мне... А ежели эти безбожные мужики, как вы их сейчас расписали,

ни в чем мне не поверят и враз на месте ухлопают меня? На такие заработки я не ходок,— потупившись, боязливо ответил Тимофеев.

— Да ты ничем не рискуешь. А вообще ухлопать тебя— дело пустое. Вот я прикажу, и тебя расстреляют.

— Я человек бедный. Семейства у меня нет. Я круглый сирота. Терять мне нечего и жалеть меня некому. Делайте, как знаете, вам видней,— глядя в лицо генералу, спокойно произнес Тимофеев.

— Мудришь ты что-то... Философ! А в расположении моих войск зачем бродишь? — медленно, словно что-то подзревая, выговорил генерал.

— А мне откуда знать, где здесь что, коли я не здешний,— просто возразил Тимофеев.

Генерал неожиданно поднялся с кресла и грозно крикнул:

— Говори прямо — кто тебя послал в Ивановку? Ты лазутчик партизан? Признавайся!

— Что вы, ваше высочородие, господь с вами! И как вы могли такое даже подумать, о мне, рабе божьем? Я чайку где напиться искал да хлеба кусок. Поголадываешь в дороге,— мягко упрекнул Тимофеев.

— Ты мне голову не морочь, святоша! На военной службе был? — свирепо крикнул генерал.

— Из белобилетчиков я. У меня давнишняя чахотка... Кашель умучил. Божье наказание за грехи мои,— взмолился Тимофеев.

— Чахотка? А это мы сейчас проверим. Ротмистр, отведите его к врачу и прикажите тщательно осмотреть этого субъекта. Действительно ли он болен чахоткой,— грубо засмеявшись, приказал князь Трубецкой адъютанту.

— Пошли, бродяга! — подталкивая Тимофеева, гаркнул барон фон Манштейн.

Расстегнув тугой воротник, генерал удобно лег на диване. Свежий ветерок покачивал тюлевые занавески на открытых окнах. Сельская дневная тишина располагала к спокойному мышлению.

Спустя некоторое время негромкий стук в дверь заставил Трубецкого подняться.

— Войдите! — недовольно отозвался генерал.

В дверях появился адъютант. За ним, вяло двигаясь,

вошел крестьянин Тимофеев. Вытянувшись, адъютант почтительно доложил:

— Ваше превосходительство! Ваше приказание выполнено!

Генерал, глядя куда-то поверх головы ротмистра, равнодушно спросил: — Что сказал врач?

— Доктор подтвердил, что этот мужик болен чахоткой с кровохарканьем! — резво ответил адъютант.

— У него чахотка? Значит, он все равно не жилец на этом свете? Долго не протянет?—безразличным тоном переспросил генерал.

— Так точно, ваше превосходительство!

Князь Трубецкой, лениво позевывая, скучным голосом обратился к адъютанту:

— Ну, ротмистр? Что же по-вашему делать?

— Ваша светлость! С юридической точки зрения, ввиду отсутствия прямых и косвенных улик, доказывающих, что он имеет какое-либо отношение к большевикам-партизанам, следует его отпустить,—самоуверенно проговорил барон фон Манштейн.— Впрочем, если бы он являлся местным жителем, следовало учредить за ним негласный надзор.

— Так, так,—словно соглашаясь с адъютантом, бесстрастно процедил сквозь зубы генерал, но затем вдруг резко кивнул, будто поставил точку, и властно сказал адъютанту:

— А я приказываю его... рас-стре-лять. На всякий случай. Так будет вернее.

— Расстрелять? Слушаюсь,—вполголоса повторил барон фон Манштейн.

— Ты что же у меня не просишь помилования? Смерти не боишься? — пристально взглянув на Тимофеева, настороженно спросил генерал.

Крестьянин Тимофеев с безразличным видом благодушно посмотрел на генерала и тоном поучения убежденно разъяснил ему:

— Покойный отец мой с отрочества меня учил, что на небе просторнее и воздух чище. Да и харчей там для бедного человека больше, чем на земле.

Скрывая удивление, генерал отвернулся и пожал плечами. Помолчал и с явной досадой надменно произнес:

— Что ж, если ты желаешь умереть, ты будешь немед-

ленно расстрелян. Ты, наверно, мечтаешь сделаться ангелом на том свете. Или, может быть, ты думаешь прослыть святым великомучеником, глупый юродивый? Ну вот что, мужик! Хватит болтать о боге и святости. Ты мне дашь согласие и клятву на кресте, что пойдешь в лес на разведку к партизанам, или я велю тебя ухлопать. Мне ждать и балясы с тобой точить на божественные темы некогда! — угрожающе заявил генерал.

— Я в жизни никого не обманывал и не смогу хитрить и врать. А коли так, то я не пойду в лес к тем мужикам. Это ваше дело и за него вы жалованье на должности получаете. Так что из меня вам прока не будет, — учтивым тоном, но твердо ответил Тимофеев.

— Барон! Пристрелить его без лишнего шума — не в селе, а на кладбище. Пошлите с ним фельдфебеля Черных — он специалист по тихой смерти. А я пройду в шифровальный отдел к княжне Прозоровской... Надо кое-что перевести.

Старательно разгладив усы и бороду, генерал одел фуражку и вышел.

Адъютант взглянул на часы и заторопился. Посмотрев в спокойные глаза добродушно улыбавшегося Тимофеева, ротмистр недоумевая повел мохнатыми бровями и крикнул:

— Фельдфебель Черных!

В комнату быстро вошел Черных.

— Чего изволите, господин ротмистр?

— Срочное дело, фельдфебель. Генерал приказал немедленно пустить его в расход, — кивком головы указывая на Тимофеева вполголоса сказал барон фон Манштейн и громко добавил: — А я иду обедать! — Взглянув на себя в зеркало, ротмистр приосанился и позванивая шпорами вышел.

Поглядев ему вслед, фельдфебель ухмыльнулся, подошел к столу, налил полный стакан вина и покосился на Тимофеева.

— За упокой твоей души! — шутливо провозгласил он тост и залпом выпил.

— Пошли, что ли, горемыка, — расстегивая деревянную кобуру большого пистолета, небрежно сказал он Тимофееву.

Покорно кивнув, повесив голову и согнувшись, Тимофеев послушно, с расслабленным видом, медленно напра-

вился к двери. Внезапно Тимофеев выпрямился и окреп. Он мгновенно сделал резкий поворот через левое плечо и, широко расставив указательный и средний пальцы правой руки, как вилкой, ударил с большой силой в оба глаза Черных. Фельдфебель вскрикнул от боли и сначала упал на колени. Затем он повалился навзничь, закрыв руками лицо и продолжая громко стонать.

Тимофеев рывком нагнулся, выхватил из раскрытой кобуры пистолет и с размаху ударил им по голове фельдфебеля. Тот затих. Двумя прыжками Тимофеев подскочил к столу, схватил папки с документами и быстро отобрал несколько бумаг и топографических карт. Потом он бросился к открытому настежь окну. Осторожно выглянул по сторонам. С пистолетом в руке легко выпрыгнул наружу.

Гул мотора раздался поблизости. Тимофеев бросил взгляд туда, откуда нарастали звуки. Из-за поворота медленно выехал открытый автомобиль с металлическим флажком на радиаторе. В нем был один водитель. Тимофеев пробежал за машиной, догнал ее и вскочил на подножку.

— За невыполнение моих приказов — смерть! Полным ходом из села! — наведя пистолет, крикнул Тимофеев водителю.

«Понял», — кивнул тот.

Легковой автомобиль быстро промчался по широкой улице села, проскочил мимо ошеломленных солдат, дежуривших на окраине Ивановки, вздымая облако пыли, съехал под гору и повернул к большому лесу.

Когда полчаса спустя князь Трубецкой вернулся в дом, еще с порога комнаты он увидел распростертого на полу фельдфебеля.

«Что такое? Пьян, что ли, скотина?» — подумал генерал, но что-то слишком неестественное в позе лежащего ничком человека подсказало ему другую, страшную мысль. Он быстрыми шагами подошел к фельдфебелю и наклонился над ним. И тут на место обычного раздражения и злобы пришел страх. Генерал бросился к столу и стал лихорадочно перебирать папки с документами. Руки его прыгали по бумагам все быстрее и быстрее, но вот он оцепенел.

— Адъютант! — завопил он так громко, что вошедший следом за ним ротмистр попятился от неожиданности. — Где оперативная карта? Где последний приказ командования? Где, я вас спрашиваю?!

— Ваше превосходительство... Ваше превосходительство... — лепетал побледневший барон, стараясь срочно придумать, что сказать в ответ.

— Это измена! — взвизгнул Трубецкой. Глаза его, казалось, вот-вот выскочат из орбит, он шипел, как гусь, и захлебывался от негодования. — Если через полчаса вы, ротмистр, лично не доложите мне, при каких обстоятельствах были похищены важные документы и что вами сделано для отыскания их, а также не установите, куда скрылся этот юродивый, — я предам вас военно-полевому суду!

— Слушаюсь, ваше превосходительство.

— Сейчас же привести в сознание и допросить этого болвана, — генерал ткнул пальцем в сторону фельдфебеля. Готовьте броневик, оцепите район, переверните вверх дном все село — но найдите что-нибудь!

— Слушаюсь! — выбегая, на ходу крикнул адъютант.

В комнату вошли солдаты. Потоптавшись вокруг фельдфебеля, они подняли и понесли его.

Едва за ними закрылась дверь, как на пороге появился сияющий барон фон Манштейн.

— Ваше превосходительство, — закричал вдруг радостно адъютант, — измена! Этот юродивый бежал на вашем автомобиле. Только что доложила караульная служба. Несомненно, что Тимофеев — партизан, а ваш шофер, рядовой Харитон Сбитнев — большевик!

— Мой личный шофер большевик?

— Так точно. Он из рабочих. Они все большевики. Очевидно, у Сбитнева с этим Тимофеевым было заранее все условлено. Они действовали по точному плану, — убежденно настаивал ротмистр.

Генерал как-то сразу обмяк, присел на диван и неожиданно проговорил слабым, упавшим голосом:

— Так вы полагаете, дорогой барон, что этот крестьянин Тимофеев был партизанский разведчик? Но кто же тогда у них командир, если у них всюду есть свои люди? И как теперь поймать этого отчаянного безумца? Бог мой,

как дорого я дал бы только за то, чтобы увидеть их командира!

Фон Манштейн молчал. Он благодарил судьбу, что случай с шофером помог ему избежать военно-полевого суда. Говорить о случившемся и — упаси бог! — о пропавших бумагах ему совсем не хотелось.

★ ★

★

Безлунная ночь. На черном небе еле угадываются звезды. Далеко за хребтами гор глухой барабанной трелью постукивают громовые раскаты.

Улицы Ивановки пустынные. Холодно. Часовые прижимаются спинами к заборам или укрываются под навесом крыльца. Изредка звучат однообразные голоса ночных патрулей, окликающих друг друга при встрече.

— Пропуск?

— Патрон.

— Отзыв?

— Пенза.

Беззаботно почивают на хозяйских пуховиках в домах местных богатеев белогвардейцы карательной бригады. После плотного ужина с выпивкой они трубно храпят, забывшись в крепком сне.

Бодрствующие в заставах на окраинах села каратели почти не видят один другого: черные гимнастерки сливаются с мраком ночи.

— Проклятая тьма, ни черта не разберешь, — гудит бас, — где ты, Афонька?

— А черт, говорят попы, весь черный, как наше обмундирование. Его в такую ночь не разглядишь, — балагурил невидимый Афонька.

— Кто позволяет себе болтать лишнее о нашей воинской форме? — заносчиво крикнул сиплый голос.

— Это я, господин поручик! Я — ефрейтор четвертого взвода седьмой роты второго батальона Афанасий Шубин. Просим у вас извинения за разговорчики. Мы остерегаемся заснуть. Уж больно сильно под утро нас дрема одолевает. Так что вы извините нас великодушно, господин поручик, — сразу потончавшим, льстивым голосом выпрашивал балагур.

— Смотрите вперед не спуская глаз! Следите за ку-стами! И держите в полной готовности пулемет. Номерам не отходить от него ни на шаг! — строго потребовал голос поручика.

— Слушаюсь! — ответили хором несколько голосов с заставы.

— Если меня спросят из штаба полка, доложите, что я проверяю боевое охранение! — приказал офицер.

Причудливо сливающийся в ночной тишине скрип гра-вия и офицерских сапог обозначил направление, куда то-ропливо зашагал поручик.

— Службист, — одобрительно прогудел во тьме бас.

— А мы что, по-твоему, — лопухи? Мы все в нашем полку, как один, добровольные службисты. Мне есть за что драться. У моего родителя Советская власть отобрала мельницу и пять лошадей, а в банке пропали все наши деньги. Я их люто ненавижу, этих голодранцев больше-виков, не меньше твоего службиста-поручика! — окреп-шим голосом со злыми нотками провозгласил ефрейтор Шубин.

— Ты, Афонька, хвастун, да и только, — презрительно буркнул бас.

— А ты, ненасытный обжора, усердно липнешь к на-чальству, чтобы пожрать после них остатки пельменей! — ехидно прошипел ефрейтор.

— Как ты смеешь, молокосос, мне дерзить? — угро-жающе повысил голос бас.

— Помолчите, ради бога, уговоритесь, наконец! Вы в заставе, а не на базаре. Перед нами противник. Кто зна-ет, может быть, там в кустах торчат разведчики партизан? А вы обнаружили нашу заставу своей руганью, — озабо-ченно упрекнул третий голос.

— Чего ради они сюда полезут, когда все равно ни зги не видно! — самоуверенно возразил Афонька.

— Сразу видно, что ты, паренек, не воевал в герман-скую кампанию. Я с тысяча девятьсот четырнадцатого года много раз побывал в ночном бою. В темноте насту-пать нелегко тогда, ежели ты не знаешь местности. А коли все места знакомы тебе, то ночь помогает приблизиться к противнику и внезапно атаковать. А разве ты забыл, что все партизаны — здешние жители и село Ивановка для них, что для тебя отцовская мельница? Легок ты в мыслях,

паренек, — снисходительно пожурил Афоньку четвертый, до сих пор молчавший, степенный голос.

В густом кустарнике, находившемся в сотне шагов от заставы, было слышно каждое слово белогвардейцев.

Командир партизанского отряда лежал рядом с дедом Памфилом. Внимательно вслушиваясь в возникший на заставе спор, он иногда подталкивал локтем соседа. Дед Памфил отвечал Тимофееву легким пожатием суховатых, но еще сильных пальцев.

Тимофеев и дед Памфил молчали. Были внешне спокойны их неторопливые жесты, но внутренне каждый был напряжен. Оба, каждый по-своему, взволнованно думали о том, что происходило в эти минуты в крошечной тьме на окраинах села.

Со всех сторон к Ивановке подползали партизаны. Они плотнее и плотнее сжимали кольцо вокруг села.

Среди них были местные жители, с детства знавшие всякий бугорок и впадину, каждую тропочку своего села. Многие из них, в недавнем прошлом солдаты царской армии, не раз в своей жизни преодолевали заграждения перед германо-австрийскими и турецкими окопами. Беззвучно перебирая руками и ногами, ползли по-пластунски. Бывалые таежные охотники, они, как никто, умели незамеченными подкрадываться к цели. Укрывая от слуха белых часовых малейший стук своего оружия, партизаны бережно передвигали по земле винтовки и карабины; копыта лошадей, следовавших с ездовыми в отдалении, были обернуты тряпками.

На белогвардейской заставе утихла ленивая перебранка.

Внезапно на противоположной окраине села закричала кукушка. Ей ответила другая, откуда-то поближе.

Быстрым движением Тимофеев дернул старика за левую руку. Дед Памфил понял сигнал. Он привстал над землей и, точно подражая зову безжалостной птицы, громко закуковал.

Услышав сигнал, прильнувшие к земле партизаны быстрее заскользили вперед, придвинувшись уже вплотную к заставам карателей.

Бас едва успел прохрипеть: «Тревога, Афонька, в ружье!» — как партизанский штык с ходу пригвоздил его к земле.

Белый пулеметчик изловчился дать короткую очередь, но был опрокинут и смят налетевшими сзади, как вихрь, таежными охотниками.

Едва начался штурм, как Тимофеев и дед Памфил вскочили на доставленных из леса коноводами верховых лошадей и галопом ринулись в село. За ними помчалась партизанская конница, полетели повозки с пулеметами и грозно дребезжавшие на карьере полевые орудия.

Ворвавшиеся с разных сторон в родное село партизаны в темноте безошибочно находили намеченные районы атаки. Они действовали быстро, слаженно, по заранее намеченному плану. Одна часть штурмовых групп бросилась прямо в избы. Другая брала на прицел двери и окна домов и стреляла по суматошно выскакивающим наружу заspanным белогвардейцам.

Белых, пытавшихся обороняться под защитой стен домов и отбивавшихся из других укрытий, партизаны забрасывали ручными гранатами или, подкатив орудия, расстреливали прямой наводкой.

Расположенная за церковной оградой артиллерия белых была захвачена там, где стояла — под брезентовым навесом.

Бронеавтомобиль с командой из офицеров сумел выехать за калитку, осветив фарами улицу. Меткие пули таежных охотников быстро погасили свет, и ослепленная бронемашина начала стрельбу, не видя целей. Подсвечивая карманными фонариками, партизаны сунули под днище бронеавтомобиля связку ручных гранат. Прогрохотал взрыв. От бронемшины донесся крик и стоны. Новый взрыв бензина подбросил вверх столб огня и далеко расшвырял по сторонам лохмотья пламени.

Бронеавтомобиль с шумом и треском запылал в ночной тьме, напоминая гигантский факел.

Огонь охватил находившиеся в броневику ящики с гранатами и расплавил цинки с патронами. Протяжный взрыв, похожий на неслаженные залпы, разворотил броневого остов машины.

Висячая лампа с наполовину прикрученным фитилем скупо освещала середину комнаты. В углу на диване крепко спал генерал князь Трубецкой.

Внезапно загремели ружейные выстрелы. Прогрохотали взрывы ручных гранат. Одновременно с разных сторон застучали пулеметы.

Генерал поднял голову. Затем сбросил одеяло, встал и начал быстро одеваться. Торопливо застегивая китель, подошел к окну. Вокруг раздавались частые выстрелы, чередуясь со взрывами и пулеметным татаканьем. Генерал отодвинул слегка занавеску, быстро глянул в темноту деревенской улицы и резко отшатнулся.

За спиной генерала с треском распахнулась дверь. В комнату вбежал человек в военной форме с револьвером в руке. За ним, с винтовками на перевес, ворвались Никита Карпов, дед Памфил и несколько партизан. Они навели винтовки на князя Трубецкого. Дед Памфил сноровисто выкрутил фитиль висячей лампы. Яркий свет озарил всю комнату. Генерал узнал в человеке с револьвером крестьянина Тимофеева и деланно спокойно уселся в кресло. Шагнув к нему, Тимофеев приказал:

— Встаньте, генерал-майор! Руки вверх! Дом оцеплен — сопротивление бесполезно. Ваш адъютант Манштейн пытался бежать и убит, охрана разоружена.

Генерал нехотя встал и поднял руки.

Карпов подошел к столу и забрал лежащий на нем револьвер.

— Товарищ Карпов, у него в кармане должен быть второй пистолет, — напомнил Тимофеев.

— Что это значит? Кто вы такой? — с наигранным достоинством спросил генерал.

— Можете опустить руки, бывший князь Трубецкой! Я тот самый крестьянин Тимофеев, которого вы предусмотрительно приказали расстрелять «на всякий случай»!

Не выдержав, Карпов подошел к генералу и сказал в упор с ненавистью:

— Ты, бывшее превосходительство, спрашивал меня, где наш партизанский командир? Вот он. Если б не он — висел бы я завтра на перекладине, как моя доченька Луша... Но теперь настал твой конец.

Отвернувшись от Карпова, генерал, пристально разглядывая Тимофеева, будто отвечая на свой собственный вопрос, медленно проговорил:

— Глаза ваши были мне подозрительны...

— И этого вам, Трубецкой, было достаточно, чтобы

приказать расстрелять меня без следствия, без доказательств виновности и суда! Мы действуем иначе: сначала точно устанавливаем вину, затем судим, потом выполняем приговор, — сказал Тимофеев.

— Насколько я улавливаю, вы человек интеллигентный... Разрешите задать вам несколько вопросов? Вы курите? Прошу! — протянув Тимофееву ящичек сигар, заговорил князь Трубецкой непринужденным тоном.

— Нет, генерал, теперь спрашивать буду только я. Вы рассчитываете выиграть определенное время в надежде, что вас выручат? Бесполезно! Ваша бригада разгромлена! — заявил Тимофеев.

— Разгромлена?.. — недоверчиво повторил генерал.

— Мы сняли ваших часовых и штыковым ударом, почти без боя, кончили дело... Ночь, — вам, как военному, это понятно, — просто разъяснил Тимофеев.

— Тем не менее дело еще не кончено. Вы знаете многое, но не все. Положение может в корне измениться еще не раз. Советую вам, как военный военному, помнить об этом, — уверенно возразил князь Трубецкой.

— Вы намекаете, что у вас есть еще скрытые резервы, на которые вы надеетесь? — спросил Тимофеев.

— Я дворянин и офицер! Честь не разрешает мне открывать военные тайны! — гордо выпрямляясь и презрительно глядя на окружающих, напыщенным тоном провозгласил генерал.

— Но ваша дворянская честь разрешает вам пытаться вешать и расстреливать честных людей из народа! Вы повесили ни в чем неповинную девушку, — гневно сказал Тимофеев и указал на Карпова, — дочь этого крестьянина... Не вам вспоминать о чести. А сейчас я заявляю вам, что у нас нет времени с вами разглагольствовать! Если вы не будете отвечать на мои вопросы или солжете, мы расстреляем вас. Где расположены ваши резервные части? — сурово потребовал Тимофеев.

— Поскольку вы настаиваете... с подобными угрозами, в такой горячей обстановке, я вынужден уступить грубой силе. Резервный батальон находится в лесу, за озером, — к востоку отсюда в пяти верстах, — заметно поколебавшись, неохотно сообщил князь Трубецкой.

— Вооружение?

— Станковые пулеметы, орудия, броневик с пушкой.

— Товарищ Карпов, найдите Кузнецова — он здесь, в оцеплении. Пусть всем своим отрядом немедленно окружит лес за озером и с ходу атакует их резервный батальон, — приказал Тимофеев.

— Слушаю, товарищ командир! — ответил Карпов и выбежал из комнаты.

— Кратко доложите расположение войск союзников по всему краю, — предложил Тимофеев генералу.

Князь подошел к столу.

— Японские войска — шесть дивизий, семьдесят две тысячи человек располагаются вдоль южной линии Сибирской железной дороги. Американские войска — 27, 31 и 3-й пехотные полки — стоят вот здесь, — показал он на карте. — Французских войск в Сибири очень мало. Что касается Англии, то она прислала больше офицеров, чем солдат, — с тонкой усмешкой закончил генерал.

— Сведения совпадают. Передайте все находящиеся у вас секретные документы, — сказал Тимофеев.

— Хорошо, — мягко произнес генерал, доставая портфель из-под подушки. — Здесь все, кроме оперативной карты, приказа и списка наших секретных агентов. Список хранится у начальника контрразведки капитана Болховитинова.

— Найти этого Болховитинова, если он жив, и доставить сюда немедленно, — распорядился Тимофеев.

Два партизана бросились выполнять приказание.

— Однако, господин Тимофеев, у вас отличная дисциплина. Ваши партизаны, как настоящие солдаты, выполняют устав, — вежливо заметил генерал.

— Бойцы надежные, — подтвердил Тимофеев.

Отойдя от карты, генерал присел на диван и учтиво обратился к Тимофееву:

— Позвольте мне задать вам один вопрос.

— Задавайте.

Деланно улыбаясь, генерал вкрадчиво, стараясь постепенно вовлечь Тимофеева в разговор, спросил:

— Я хочу понять... Почему вы, командир большого отряда, лично пошли в разведку? Судя по всему, вы — опытный военный?

— А неужели вы, профессиональный военный специалист, этого не понимаете? После того как вы захватили Карпова и его дочь, посылать кого-либо в разведку уже

не было времени. Тогда я решил провести командирскую разведку лично, чтобы здесь же в селе Ивановке, на месте, наметить план ночной атаки,— сухо пояснил Тимофеев.

— Вы мало узнали, — возразил Трубецкой.

— Наоборот, я узнал больше, чем рассчитывал. Я обследовал подступы к селу, ваше боевое охранение и расположение пулеметов и артиллерии. Случайный арест тоже помог мне. Из вашего же допроса я понял, что вы очень мало знаете о партизанах, если сразу вербуете в секретные агенты первого встречного — крестьянина Тимофеева — и немедленно даете ему задание. Кроме того, я заметил пьянство и недостаток дисциплины — признаки разложения ваших войск. И наконец, я захватил у вас пленного, вашего шофера Сбитнева, который много знает, — просто разъяснил Тимофеев.

— Вы искусно сыграли роль простого деревенского мужика из староверов. Но можно теперь узнать, кто вы такой в действительности? — напрямик спросил генерал.

— Крестьянин Тимофеев, — оборвал расспросы командир партизанского отряда, внимательно просматривая отобранные у генерала документы.

Генерал поник, исподлобья настороженно озираясь по сторонам. Два партизана и Карпов ввели капитана Болховитинова и княжну Прозоровскую.

Подойдя к командиру, Карпов отрапортовал:

— Товарищ командир! Я передал ваше приказание Кузнецову. Он с отрядом уже действует. По дороге назад помог схватить этого палача,— и он указал на капитана Болховитинова. — А эта барынька в ихнем штабе была.

Горделиво подняв голову, княжна Прозоровская шагнула вперед и непринужденно обратилась к Тимофееву:

— Вы — командир?

— Да.

Она слегка поклонилась Тимофееву и спокойно, ровным тоном произнесла:

— Разрешите представиться. Я — княжна Елена Георгиевна Прозоровская. Прикажите вашим людям культурно обращаться со мной. Я могу вам еще пригодиться — я служила переводчицей при штабе.

Пораженный капитан Болховитинов возмущенно крикнул:

— Княжна! Как вы можете?!

Княжна презрительно усмехнулась, обернувшись в его сторону.

Тимофеев подошел вплотную к Болховитинову и властно приказал:

— Капитан Болховитинов! Отвечайте на мои вопросы.

Капитан встрепнулся и замер. Наморщив лоб, словно что-то припоминая, пристально всматриваясь в Тимофеева, капитан Болховитинов внезапно со злобной усмешкой громко сказал:

— Я, кажется, узнаю вас! Вы сами — офицер! И должны прекрасно знать, что пленные офицеры никогда не отвечают на вопросы. Да, я узнал вас. Вы подпоручик триста тридцать пятого Анапского пехотного полка Николай Александрович Щорс!

Крайне удивленный генерал Трубецкой вскочил с дивана и начальственно обратился к Болховитинову:

— Извольте вспомнить, капитан: я вам говорил, что партизанами, захватившими наш бронепоезд и разгромившими два батальона пехоты командовал кадровый военный. Вы еще тогда осмелились вступить со мной в пререкания. Теперь мне ясно, что я, как всегда, был прав!

Не обращая внимания на генерала, Болховитинов ехидно сказал Щорсу:

— Вы такой же офицер, как и я!

— Вы, Болховитинов, не офицер, а палач! — убежденно ответил Щорс.

— Вы украинец, Щорс! Что вам нужно здесь, у нас в Сибири? — яростно воскликнул капитан.

— Да, я украинец. Сегодня я, украинец, защищаю Октябрьскую революцию в Сибири, а завтра сибиряки будут защищать ее на Украине! Я понимаю, что вы говорили все это не для меня, а для этих людей. И я отвечаю не для вас, а для этих людей, моих товарищей, — мягким жестом указывая на партизан, закончил Щорс.

Капитан Болховитинов фальшиво рассмеялся и вызывающе спросил Щорса:

— А что вы хотите от меня, господин большевик?

— Список ваших секретных агентов, засланных в партизанские отряды.

— Списки моих агентов я уничтожил! — с злобной радостью объявил Болховитинов.

Едва он успел закончить, как внимательно наблюдавшая за всеми княжна торжественно выступила вперед. Многозначительно улыбаясь, она заявила Щорс:

— Николай Александрович! Кажется, вас так зовут, товарищ командир? Я могу быть вам полезна, если вы обещаете сохранить мне жизнь. Этот пьянчужка, — надменно указала она на Болховитинова, — воображает, что фамилии и приметы его секретных агентов контрразведки известны ему одному. Будучи переводчицей при штабе нашего незадачливого полководца, — она сделала презрительный жест в сторону князя Трубецкого, — я кое-что записывала у себя. Просто для памяти... Пусть вас это не очень удивляет. Я должна была предвидеть любой исход событий. Как видите, я хотела оказаться нужной и для вас. Ведь, кроме перечня секретной агентуры капитана Болховитинова, я знаю всю строго секретную переписку моего крестного папочки генерала Трубецкого с японцами и другими союзниками, — тонко улыбаясь, деловым тоном пояснила княжна.

Напряженно слушавший разговор генерал быстро подошел ближе, небрежно отстранил княжну и внушительно заявил:

— Моя крестная дочь, княжна Лили Прозоровская, изрядно напугана и сильно преувеличивает свою осведомленность. Разве я мог доверить легкомысленной светской барышне настоящие секреты? Она не может знать столько, сколько знаю я, господин Щорс. Я собственноручно вел, помимо нее, личную переписку с нашими союзниками...

— Труссы! Подлые труссы! Предатели! — теряя самообладание, иступленно, как фанатик, выкрикнул Болховитинов.

— Увести арестованных! — приказал Щорс.

— Разрешите, товарищ Тимофеев, я этого карателя покараю, — вынув револьвер, попросил Карпов.

— Не волнуйся, товарищ Карпов. Я сердцем и разумом понимаю тебя. За свои зверства они ответят по закону перед революционным трибуналом. Никто из них не ускользнет от народного суда. У нас впереди еще много

трудностей и битв. Мы потеряли в бою наших товарищей, погибла твоя дочь. Пусть наша победа хоть отчасти будет для тебя утешением. А они обречены на гибель! Они никогда не победят народа,—убежденно произнес Щорс.

Неожиданно в комнату быстро вошел молодой партизан и, по-военному приложив руку к деревенскому картузу, доложил Щорсу:

— Товарищ командир! Окруженный в лесу отрядом товарища Кузнецова резервный карательный батальон сложил оружие без боя!

— Спасибо, товарищ ординарец! — сказал Щорс и громко скомандовал: — Всему отряду — построиться! Сейчас выступаем в поход!

Возле дома, в котором помещался генерал, валялось трехцветное знамя белогвардейцев.

В притихшей Ивановке отрывисто зазвучали короткие воинские команды. Вдоль широкой улицы, собираясь в роты и батальоны, строились партизаны. В длинных шеренгах бойцов рядом с бородатыми стариками молодые девушки и безусые юноши. В серых предрассветных сумерках белеют бинты перевязок.

Тимофеев-Щорс вышел на крыльцо. За ним вывели генерала с крестницей и капитана Болховитинова.

Князь Трубецкой наметанным взглядом окинул стройные батальоны красных партизан и опустил голову. Болховитинов держался в стороне и с ненавистью вглядывался в лица партизан.

На востоке с каждой минутой все выше поднималось малиновое зарево — вставало солнце нового дня.

Все смотрели на крыльцо, где стоял Тимофеев-Щорс.

Он поднял руку и громко сказал:

— Товарищи партизаны! Поздравляю вас с победой над белой бандой! Да здравствует Советская власть! Да здравствует партия большевиков! Да здравствует наш Ленин! Ура!

— Ура! Ура! Ленин! Ура Ленину! — слаженно восклицали рабочие лесорубы и шахтеры, крестьяне и батраки, таежные охотники и рыбаки.

И когда смолкла громовая здравица, Тимофеев-Щорс отдал приказание: «Выступать!».

Поправив наплечные ремни снаряжения, Карпов подошел к двери и с порога протяжно скомандовал:

— Направо равняйся! Смирно! Ряды сдвой! Направо! Запевалы вперед! Шагом марш!!

Генерал, княжна и капитан молча слушали, как запевалы громкими чистыми голосами начали песню.

По долинам и по
взгорьям
Партизаны шли
вперед...

К ЧИТАТЕЛЯМ!

Издательство просит присылать свои отзывы об этой книге и пожелания по адресу: Москва, Центр, проезд Сапунова, д. 13/15, издательство «Советская Россия», редакция художественной литературы.

Для среднего и старшего школьного возраста

Николай Федорович Гарнич

ПАРТИЗАН ТИМОФЕЕВ

*

Редактор Ю. С. Новиков
Художник Л. С. Котляров
Художественный редактор М. В. Таирова
Технический редактор Р. А. Медведева

*

Сдано в набор 8.IV 60 г.

Подписано к печати 13. V 60 г.

Формат бум. 84×108/32 Физ. печ. л. 1,75.

Усл. печ. л. 2,8. Уч.-изд. л. 2,8. Изд. инд.

ДЛ—133. АО 4155. Тираж 150 000 экз.

Цена 85 к.

*

Издательство «Советская Россия».
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

*

Типография «Радянська Україна»,
Киев, Анри Барбюса, 51/2.
Зак. 2312.

Цена 85 коп.

С 1.1.1961 года
цена р 9 к.

